

Леонид Яковлевич Муравник вспоминает: Жизнь беспризорника

Л.Я. Муравник сын партийного работника. Отец и мать расстреляны в 1937 г. С 9 лет находился в разных детских домах, неоднократно бежал, беспризорничал. Авиамеханик, журналист.

Арест родителей

На всю жизнь осталась у меня сцена прощания с мамой. И это прощание проходило у нас, на Петровском бульваре, была скамейка.

И вот мы на этой скамейки на Петровском бульваре с ней встретились в последний раз. И она мне, обливаясь слезами, говорила: «Леник, сын мой, я не знаю, приеду я или нет, не хочу тебя обманывать.

Никто тебе в этой жизни не поможет, научись сам преодолевать трудности. Научись верить своим родителям и тебе будет легче в жизни». Пришли к бабушке, я лег измученный, изможденный, лег, уснул. Когда я проснулся, мамы уже не было. Она уехала в Ростов.

А уехать в Сибирь она не могла по этическим соображениям: как я оставлю своего мужа? Я должна его спасти. Вот такая наивная была.

Скитания по родственникам

Конечно, я не дождался маму.

Я когда приходил к тете Оле, она ночью говорила своему мужу, дяде Косте говорила: «Нет, от этого гостя надо избавляться. Не дай Бог, узнают чекисты, они арестуют наших мальчиков». И говорила мне утром: «Леня, завтракай и иди к бабушке». Я послушно завтракал, уходил к бабушке, приходил к Берте Моисеевне: «Ты что?» Тетя Оля мне сказала к вам идти».

Потому что все боялись. У бабушки было три дочери и этих трех дочерей она куда-то угнала, Бог знает, что бы они живы остались, она боялась, что и этих.

Она понимала, что если чекисты меня схватят, то как бы не пострадали ее дочери, она уж держалась за своих дочерей. Все-таки, дочери ей были ближе, чем внук.

Их всех исключили из комсомола. Бабушка сказала: «Немедленно уезжайте, чтоб вашего духу здесь не было».

И однажды дворник меня взял за шиворот и говорит: «Ленька, тебе надо убегать отсюда, на тебя обратили внимание. Где твои родители?» Я говорю: «Приедет. Мама сказала, что она скоро приедет». «Не приедет твоя мама».

Даниловский детский приемник НКВД

Я попал в даниловку только ко сну. Меня завели в этот правый придел, завели. Тут же принесли матрас, какое-то подобие подушки, набитое сеной, сеном. Какую-то тряпку. Я, как воспитанный мальчик, снял свою бархатную курточку, снял свои штанишки, вот. И лег спать.

А утром, как ни в чем ни бывало, повели в столовую, кормить гречневой кашей с мясом. Это было коронное блюдо. Прекрасно приготовленное, вязкое, не рассыпчатая, а вязкая гречневая каша с кусками мяса. Беспризорники, которых истощенных приводили, они облизывали эти миски. А нам оно в горло не лезло это ихнее мясо, эта гречка. Мы находились в состоянии какой-то прострации, мы ни о чем не думали, ничего не помнили. Как будто мы не существуем реально.

А потом пришло время, когда ночью подняли нас человек 15, строится. Мы построились, нас запихнули в машину, на которой было написано «Субпродукты». Запихнули в эту машину, и мы поехали на вокзал.

Когда нас везли на вокзал, одна девочка сказала: «Куда нас везут, убивать?» Вот этот голос девочки, тревожный, запомнился мне. А потом нас в вагон и мы поехали. И был охранник, очень хороший охранник, у которого висела кобура, но в этой кобуре у него была махорка, никакого оружия у него не было.

Генический детский дом

И каждый про себя что-то думал: «Куда судьба нас заносит?» Во всяком случае, не в тюрьму же нас везут, а везут в детский дом. И мы въехали под своды этого детского дома, въехали. А там уже почти весь детдом стоял и ожидал нас.

И поместили нас в изолятор. И как только поместили и через несколько минут приходит пятнадцатилетний так, на вид, рослый, загорелый, крепкий парень и говорит: «Меня зовут Кандыба. Я – атаман этого детского дома. И, отныне, вы будете подчиняться только мне».

«Забудьте о прошлом, прошлого у вас не было. Я вас буду воспитывать. Вы будете огольцами, и через месяц я вас буду принимать в огольцы». А что такое огольцы? Оголец должен уметь воровать, лазить по карманам, когда вы всему этому научитесь, вам трень – трава. Вы будете сыты и так далее, и так далее».

что нас эти детдомовцы из огольцов научили. Мы ходили на пристань эти обода от бочек мы брали, выпрямляли, точили, получались сабли. А ночью мы шли и этой саблей, и там висели под крышей, висели вот такие куски красной рыбы, вот, висели. И они, все капало с них, вот такие аппетитные. И наше дело было вот так вот -чик, она - бац и упала. Чик, еще упала, за пазуху и в детдом.

это Кандыба имел теснейшую связь с НКВД. Он писать почти не умел, почти не умел, но он находил людей, которые под его диктовку писали, а потом нам рассказывали. Он писал отчеты где мы, что мы, куда мы удаляемся, если нас нет в школе, что мы делаем, о чем мы говорим и так далее.

Побег. Холмский детский дом

И мы, посоветовавшись однажды, решили бежать и в 40-м году мы сбежали.

Пошли на Арабатку, там, на рельсах стоял пульманы, на которые грузили песок и возили на металлургические заводы Украины. Залезли в этот песок и таким образом мы сбежали из Генического детдома. Конечно, когда мы приехали в Запорожье, мы первым делом на рынок. И эти уроки кандыбовские, как добыть себе пищу, они не прошли даром.

И не только сметану, и хлеб и лепешки сами добывали себе вот таким воровским путем. И у подножия плотины этой днепрогэсовской нашли местечко хорошее укромное, приюток такой, сели и начали там свою добычу, начали кушать, потому что мы почти сутки ничего не ели. И тут нас ночью, конечно, зашухарила милиция.

И оттуда в другой детский дом, в Холмский детский дом, где начался другой этап нашего детства. Это был хороший детский дом, где не было никаких атаманов, где был совет детского дома, где, между прочим, было приличное число детей репрессированных и к ним очень хорошо относились.

Война, эвакуация на Урал

Потом, когда началась война, нас собрали всех. Собрали и сказали: «Ну, ребята, нас воспитало государство и мы должны отблагодарить наше

государство и должны мы быть патриотами». И началось бегство из детдомов на фронт, повальное бегство.

Сашка Шаляпин был тоже детдомовец, сын раскулаченного, репрессированного. Но, когда началась война, он сбежал из детского дома на фронт, стал Героем Советского Союза.

Сбежала на фронт Ткаченко Зина, которая была старшей пионер вожатой, она нас всех очень любила, детей репрессированных, очень любила. И она в открытую говорила, что «вы – гордость нашего детского дома».

И тогда директор опять по группам ходил.

И он сказал: «Ребята, одна просьба к вам, больше не убегайте! Малышей много, а вас мало. Мы не справимся с малышами!». А малыши считались первый класс, вот такие вот, они все на телегах ехали, они ходить много не могли.

И эта эвакуация привела наш детский дом на Урал.

Кормить было нечем и опять пошли в ход наши ухищрения, опять лазить по чердакам. Это была деревня очень богатая, но они замки повесили не только на свои чердаки, где заготовленные пельмени, они заготавливали мешками эти пельмени, но даже на колодцы они вешали замки, они не хотели, что бы в ихнем были детдомовцы. Детдомовцы для них ассоциировались с какими-то малолетними преступниками, и они боялись, что у них все начнут подряд воровать. Но все–таки, все–таки, совесть их заела, и когда с ними стали беседовать, говорить, что дети голодают и уже не поднимаются с пола.

нас построили зимой на школьном дворе, и началась ярмарка. Со всего района приехали учителя, врачи, колхозники, рядовые рабочие приехали выбирать себе детей. Выбирать на опеку детей. И я попал к какой-то учительнице, к партийке.

я думал: «Ну, я хоть отъежусь здесь», но она сказала: «На диван не садись – это диван для гостей, на стулья тоже – они мягкие, садись на табуретку.

И сказала, что «вы плохо воспитанные», вот. И мы опять с Кулешом, опять сбежали.

Завод

Через какое-то время нас направили на Верхисетский завод, в мартеновский цех. Конечно, нам не по силам было взять лопату шамота и на 8 метров кинуть ее в эту печь, не по силам. И сталевар, Гузенко был, говорил: «Для того, чтобы здесь работать надо кушать сало с маслом». А нас очень плохо кормили. Там драконовские законы были: если опоздал – тебе не дают талон на обед.

И мой Кулеш, дорогой мальчик, заболел язвой. Заболел язвой, и ему все время было холодно и голодно, но, главное, ему было все время холодно. И он проходил мимо шлакового двора, откуда шлак вывозили от мартенов, присел на корточки, чтобы погреться немного, потерял сознание, упал в этот раскаленный шлак и сгорел. И так не стало моего Кулешика.

Бегство в Ташкент

И с Казанского вокзала началось мое путешествие, которое длилось почти целый месяц. Я поехал в Ташкент. Они жили в этом городе Чертеке, где родной брат моего отца был главным инженером. Но бабушка была недовольна моим приездом. «Бабушка, в чем дело? Почему?» - «Потому что на тебе печать» «Какая печать?» «Когда твой дядя узнает, что ты приехал, он будет очень ругаться».

Там работало 170 тысяч заключенных на этом комбинате. И дядя был директором этого комбината.

Но на завод, они уехали, никто меня не взял. У меня никаких документов не было. И я болтался там, болтался до тех пор, пока меня милиция отвела в эту, в КПЗ, называлась КПЗ. И через некоторое время начался суд и меня, и не только меня, таких бродяг, как я, было там много, судили по статье за, как бомжей, без определенного места жительства. И нам грозило по 2 года тюрьмы за такую провинность. Но судья, когда читала приговор в отношении меня, сказала: «А этому мальчику я дам условно».

Я хорошо знаю, где твой отец и поэтому я тебя в беде не оставлю. У меня есть хороший знакомый, который возьмет тебя на опеку. Этот хороший знакомый был майор Безуглов.

Там было три училища: артиллерийское, танковое и авиационное. И он мне сказал: «Куда ты пойдешь?» Я говорю: «В авиационное» И вот я пошел в авиационное училище, вот.

И в звании сержанта был выпущен и попал на Чукотку. На Чукотку в истребительный полк, ну сначала на Сахалин, а потом с Сахалина на Чукотку, вот. И там я служил до 51-го года.

Но, когда я приехал в Москву, после службы, на мне был хороший авиационный костюм с карманами, хотя мне сержанту не положено было.

и я пришел к другой тетке своей, к тете Оле пришел. Она сказала: «Леня, мои дети погибли на войне. Мы за них очень боялись, когда мама тебя привезла. Ты то у нас поживешь, то у бабушки, мы очень боялись. Теперь нам бояться нечего». Но Сталин еще был жив, это был 51-й год, осень.

когда я приехал в Орел, бабушка мне сказала: «Леня, ты из Москвы приехал, неужели ты не знаешь, у нас все говорят, что еще будут репрессии. И в первую очередь будут теперь брать детей тех арестованных. А у тебя арестованные

папа и мама. Ты поезжай к моей сестре в город Ливны, поезжай, это захолустье, туда не дойдут эти волны».

Перестройка

Но, конечно, 90-е годы перевернули мою жизнь. Когда началось демократическое движение, я вошел в «Мемориал», во многом перевернуло мое представление, во многом. Я стал читать литературу и стал лучше разбираться.

Я убедился, что эта беспризорность была не социальная, не от того, что родители пили и не от того, что разваливались эти семьи, это легче всего было спихнуть на социальные причины. Нет, это была самая настоящая государственная преступная политика в отношении детей.

И эти дети, воришки эти, это дети раскулаченных, деклассированных. А мы – дети репрессированных.

Сценарий:

Алена Козлова, Ирина Островская (Мемориал - Москва)

Оператор:

Андрей Купавский (Москва)

Монтаж:

Себастьян Присс (Мемориал - Берлин)

Йорг Сандер (Sander Websites - Берлин)

© Международный Мемориал 2011